

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ ПО ПОВОДУ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2014

Е. А. БОРИСОВА

Центральноазиатский регион характеризуется ограниченностью водных ресурсов, что порождает различные конфликты, в основе которых лежит спор за воду. Часто причину современных конфликтов по поводу воды видят в заложенной еще в советское время системе хозяйствования. Такой подход представляется упрощенным. В данной работе предлагается более широкий взгляд на причины современных водных споров и рассматривается история их развития.

Ключевые слова: водные ресурсы, Центральная Азия, вододеление, энергетика, конфликт.

Водные ресурсы в Центральной Азии распределены неравномерно. Основным источником пополнения запасов питьевой воды в регионе являются центральноазиатские реки, берущие начало в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. По мере того как они спускаются на равнину, их водность уменьшается. Человеческое вмешательство в режим этих рек за счет строительства плотин, усиленный разбор воды на полив сельскохозяйственных угодий, создание крупных и мелких водохранилищ и каналов без проведения соответствующих мер, необходимых для предотвращения инфильтрации и испарения воды, привели к серьезному дефициту этого ресурса в равнинной части региона. Практически исчезнувший с современных географических карт Арал – яркое тому подтверждение. Как известно, основная причина аральского кризиса в том, что питавшие ранее Аральское море две великие реки Центральной Азии – Амударья и Сырдарья – практически перестали доходить до него. Лишь в полноводные сезоны Сырдарья впадает в почти отделившийся от Большого Арала Малый Арал.

В современных работах центральноазиатских авторов в таком положении дел довольно часто принято винить наследие советского времени. Так ли все однозначно?

Для объективной оценки ситуации и поиска решений следует обратиться к истории. Начнем с того, что центральноазиатский регион расположен в аридном климате, в зоне рискованного земледелия. Поэтому оросительные каналы здесь строились еще в эпоху неолита. Если вода уходила, люди переселялись вслед за ней. Именно в связи с этим на территории Средней Азии находят множество развалин бывших поселений и каналов, имеющих разную возрастную датировку: одни города умирали, другие рождались на новом месте. Повсеместными и единовременными изобилиями здесь никогда не было. Наиболее благоприятными местами для расселения оказывались речные оазисы. Самые древние поселения существовали в долинах рек Мургаб, Зеравшан, Теджен. Особое значение для пустынной зоны Средней Азии имеют реки Амударья и Сырдарья, обеспечивающие жизнь большей части территории Средней Азии от верховьев в горах до крупнейших оазисов в их дельтах у Аральского моря.

С приходом советской власти в регионе развернулось грандиозное гидромелиоративное строительство. В интересах орошаемого земледелия равнинной части в го-

рах создавались огромные резервуары пресной воды. При этом возводимые плотины призваны были служить интересам не только сельского хозяйства, но и энергетики. Вода стала использоваться и как энергоресурс. Система водного хозяйства оказалась тесно переплетена с энергетической системой региона, и крупные гидросооружения оказались встроенными в Объединенную энергетическую систему Центральной Азии (ОЭСЦА). При этом внутренние административные границы, проведенные по этническому, а не по экономическому принципу, не имели с точки зрения водно-энергетического хозяйства принципиального значения. Регион, исходя из соображений экономической целесообразности, воспринимался как единое целое.

Улучшение условий существования в целом привело к росту рождаемости и уменьшению смертности. В итоге резко возросла численность населения: если в начале XX в. здесь проживало около 6 млн человек, то в начале XXI в. (2010 г.) в регионе проживало уже почти 62 млн человек [*World Population...*, 2012]. Если в начале XX в. на душу населения приходилось почти 0.6 га орошаемых земель, то сегодня на душу населения приходится в среднем по 0.18 га, притом что площадь орошаемого земледелия значительно увеличилась (до 8.4–8.7 млн га) [Ибатуллин, 2011]. Это очень важный момент: с ростом численности населения растет и объем вовлеченных в орошаемое земледелие площадей, а следовательно, и объем потребляемой воды. Аграрный сектор – основной потребитель водных ресурсов во всем мире. Что же касается Центральной Азии, то на нужды сельского хозяйства здесь используется 89–92% объема водопотребления [Абдуллаев]. Исходя из совокупности этих данных, можно утверждать, что на сегодняшний день численность населения Центральноазиатского региона стала превышать возможности вмещающего (кормящего) ландшафта.

Но эту проблему можно частично решить за счет современных средств ресурсной экономии. Возможность выхода из ограничений вмещающего ландшафта заключена в переходе на принципиально новые технологии (индустриальные и постиндустриальные). При разумном ведении хозяйства странами региона водного дефицита можно было бы избежать. Здесь характерен пример Израиля. Его сельское хозяйство с точки зрения потребления водных ресурсов – одно из самых экономных в мире. В арсенале израильских агрономов – отказ от водоемких сельскохозяйственных культур, выведение растений, способных питаться солоноватой водой, капельное орошение, включая точечное орошение корней растений, использование очищенных сточных вод, различные ценовые механизмы. Кроме того, Израиль отказался от водозатратных отраслей производства и воспитывает свое население в духе экономного водопотребления.

Созданная Советским Союзом система хозяйствования позволяла избегать водного дефицита за счет заложенного в ее основание принципа: восприятия региона с точки зрения экономики как единого целого. Такой подход значительно снижает возникающие экономические издержки, уменьшает перепроизводство (в частности электроэнергии) и ресурсное потребление. Другое дело, что использовавшиеся тогда технологии были несовершенны и сами по себе ресурсоемки.

Именно исходя из общих интересов региона, строились гидромелиоративные сооружения, плотно связанные с работой Объединенной энергетической системы Центральной Азии (ОЭСЦА). Республиканские энергосистемы были подключены к работе единого регионального энергокольца, существенный вклад в работу которого вносили не только природные ископаемые (уголь, нефть и газ) Казахстана, Узбекистана и Туркмени, но и гидросооружения Киргизии и Таджикистана. Эти гидросооружения расположенных выше по течению республик работали не только в целях ирригации, но и вырабатывали электричество, хотя, конечно, основной режим их работы был соотнесен с интересами сельского хозяйства нижерасположенных республик – Казахстана, Узбекистана и Туркмени. Такая взаимозависимость позволяла осуществлять обмен услугами между вододефицитными, но энергодостаточными Казахстаном, Узбекистаном и

Туркменией с одной стороны, и вододостаточными, но бедными другими природными ресурсами Киргизией и Таджикистаном – с другой. Все вопросы вододеления были отрегулированы в 1970–1980 гг. Минводхозом СССР, который разработал “Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов” для всех крупнейших речных бассейнов региона.

Суть такого обмена заключалась в следующем: осенью и зимой, когда водохранилища при киргизских и таджикских гидроэлектростанциях (ГЭС) накапливали воду для орошения полей нижерасположенных республик, в Киргизию и Таджикистан поставлялись узбекские, туркменские и казахстанские газ, мазут, уголь и электричество. В период вегетации вся накопленная в водохранилищах при ГЭС вода поступала в нижерасположенные республики для орошения полей. Эта система подкреплялась установленными квотами на воду: каждой республике выделялась процентная доля от ежегодно уточняемых фактических запасов водных ресурсов. Для ускорения решения вопросов ежегодного вододеления в 1986 г. были созданы две региональные Бассейновые водохозяйственные организации – БВО “Амударья” и “Сырдарья”.

Зависимость водных и энергетических проблем Центральной Азии успешно решалась не за счет создания изолированных систем хозяйствования в каждой республике отдельно, а за счет региональной кооперации. Такой подход позволял избегать дополнительных финансовых и ресурсных трат, включая воду. Особенно это было заметно при параллельной работе энергосистем в рамках Объединенной энергосистемы Центральной Азии. При параллельной работе в рамках региональной системы оптимально учитывается расположение стран в разных часовых поясах и время пиковых нагрузок; параллельная работа позволяет энергосистемам совместно использовать резерв, а не дублировать его, как если бы системы работали изолированно. Оптимальная диспетчеризация позволяет объединять преимущества тепловой генерации и гидроэнергетики, уменьшая их издержки и снижая ресурсопотребление; в случаях аварийных ситуаций параллельный переток способен снизить размер негативных последствий [Петров, 2009, с. 115–116; *Анализ...*, 2010, с. 32–33]. Выгоды этой системы очевидны при условии слаженной параллельной работы.

* * *

С распадом СССР и приобретением национального суверенитета республиками Центральной Азии устоявшаяся региональная система водно-энергетического деления стала расшатываться. Политические границы приобрели принципиальное значение. Однако заложенная ранее экономическая структура эти границы игнорировала. В итоге каждая из новообразованных стран хоть в чем-то, но видела ущемление своих интересов при работе этой системы в неизменном виде: ведь когда ставится задача совместить интересы нескольких сторон для достижения общего результата, чем-то жертвовать приходится каждому участнику. Накопившееся взаимное недовольство друг другом, не сдерживаемое уже никаким регулятором, стало выплескиваться в виде нарушения взаимных обязательств и предъявления новых требований. В 1993 г. в Кыргызскую Республику впервые прекратились поставки электроэнергии и топливно-энергетических ресурсов из Узбекистана и Казахстана, компенсирующие недовыработку электроэнергии на ГЭС Нарын-Сырдарьинского каскада в зимнее время. Население Кыргызстана оказалось в очень сложных условиях. Гидроэлектростанции пришлось переводить на энергетический режим работы и сбрасывать воду зимой, что повлекло за собой нехватку водных ресурсов в летние месяцы.

На следующий год договоренности были восстановлены, но сбои не прекратились. Постепенно в соглашения стала вводиться денежная составляющая, тем не менее, взаиморасчеты это не облегчило. Цена на энергоресурсы устанавливалась каждой стороной произвольно, а это вызывало новые споры. Добавляли сложности и такие

специфические вещи, как существующая разница в цене между летней и зимней электроэнергией; цена дешевой электроэнергии, вырабатываемой гидроэлектростанциями, особенно летом, никак не могла быть приравнена к зимней электроэнергии, вырабатываемой теплоэлектростанциями (ТЭС). Кроме того, не все готовы были терпеть возникавшие задержки по оплате поставляемых товаров. Особенно суров в этом отношении был Узбекистан: как только происходили задержки по оплате узбекского газа, поставки этого ресурса сразу же останавливались. У Казахстана в первые годы независимости были трудности по поставкам угля в связи с приватизацией его угольной промышленности. Кроме того, страны, расположенные ниже по течению (РК и РУ), не всегда в полном объеме выполняли свои обязательства по покупке сопутствующей летней электроэнергии, получаемой за счет работы ГЭС “верхних” стран в ирригационном режиме [Борисова, Панарин, 2012, с. 272].

Из-за постоянных и обоюдных нарушений контрактов наибольшие убытки несли Кыргызская Республика и Таджикистан. К примеру, в 2001 г., несмотря на то что вода из Токтогульского водохранилища Кыргызстана была передана в согласованном объеме, объем потребленной летней электроэнергии Казахстаном и Узбекистаном был ниже по сравнению с включенным в контракт объемом. В итоге фактическая оплата, полученная Кыргызской Республикой за электроэнергию, составила 0.88 центов США/кВтч от Казахстана, и 2.01 цента США/кВтч от Узбекистана, при средневзвешенном показателе 1.48 центов США/кВтч. Что же касается поставок угля, газа и мазута, то они были поставлены в Кыргызстан в гораздо меньшем объеме, чем предполагалось по договору: всего Кыргызской Республике было передано ресурсов на сумму, эквивалентную 29 млн долл. США, что меньше долгосрочных затрат, понесенных Кыргызстаном (35 млн долл.) по эксплуатации Токтогульского водохранилища в ирригационном режиме [Взаимосвязь..., 2004, с. 49].

Сбои с поставками зимой энергоресурсов в Таджикистан и Кыргызстан из нижележащих стран не прекращались. В свою очередь Кыргызстану и Таджикистану ничего не оставалось, как переводить свои ГЭС из ирригационного в энергетический режим работы и спускать всю накопленную воду в холодные сезоны для того, чтобы собственное население не сидело без тепла и света. Это сопровождалось затоплениями территорий Узбекистана и Казахстана.

Чтобы хоть как-то уменьшить последствия зимних паводков, драгоценную воду из Сырдарьи и Амударьи, чьи застроенные русла уже не могли пропускать большие массы воды, приходилось периодически сливать в два искусственно образованных озера, находящихся в природных понижениях на территории Узбекистана и Туркменистана. За счет вынужденных сбросов, которые в полноводные годы происходили еще в советское время, образовалось озеро Айдаркуль в Айдаро-Арнасайской низменности, куда сливалась сырдарьинская вода, и современное Сарыкамьшское озеро, образованное за счет недошедших до Арала вод Амударьи. Сброс воды в Айдаро-Арнасайскую низменность в 1969 г. составил 21.8 куб. км, а за 1993–2001 гг. – 26.9 куб. км [Об экологической...].

В результате вышеописанных действий, вызванных взаимным срывом договоренностей, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан стали недополучать воду в вегетационный период, а состояние Аральского моря ухудшилось еще больше.

Впоследствии, понимая, что основной их ресурс, как в споре, так и в жизни, – вода, Кыргызстан и Таджикистан при поддержке экспертов Всемирного банка стали настаивать на оплате своих услуг по накоплению и подаче воды, утверждая, что вода – тоже товар, тогда как “нижние” страны настаивали на формуле “вода – это *всеобщее* благо и достояние, доступ к которому не может быть ограничен”. При этом “верхние” страны подняли вопрос и о пересмотре квот на воду в свою пользу. У всех сторон в итоге была сформулирована своя, не лишенная логики, система аргументации, но к достижению согласия это не приводило.

Таким образом, отсутствие общей выработанной политики в водных вопросах и постепенный отказ от старой модели все сильнее запутывали клубок противоречий.

Энергетическая система региона тоже не обошлась без негативных последствий межгосударственных споров по водным вопросам. Особым испытанием для нее были зимние месяцы. Столкнувшись с резким дефицитом энергоресурсов из-за их недопоставок, страны верховий, помимо перевода своих водохранилищ на энергетический режим работы, стали несанкционированно отбирать электроэнергию из единого энергокольца Центральной Азии, что привело к частым сбоям в региональной энергосистеме и поломкам оборудования (см. например: [Безопасность..., 2009]).

Первым, кто устал от такой нестабильности, был Туркменистан. В 2003 г. он вышел из параллельной работы ОЭС Центральной Азии и переключился на параллельную работу с Ираном; его географическое положение и существующие энергетические мощности позволяли это сделать. Север Казахстана через несколько лет тоже вышел из параллельной работы ОЭСЦА, ограничившись существующим подключением к энергосистеме России. Ранее сбой в энергокольце ЦА через Казахстан докатывались даже до Российской Федерации. Юг Казахстана остался работать в параллели с остальной Центральной Азией.

В 2009 г. от ОЭС был отключен Таджикистан, но не по собственной воле. Его отключил, пользуясь своим территориальным положением в центре энергосистемы, Узбекистан. Отношения двух этих стран были изрядно подпорчены как раз водно-энергетическими проблемами [Борисова, 2011, с. 214–216]. Находясь в сильнейшей зависимости от энерго мощностей соседних стран, Таджикистан решил преодолеть эту проблему за счет достройки крупнейшей в регионе гидроэлектростанции – Рогунской. Ее строительство было начато еще в Советском Союзе, но потом стройка была заморожена. Здесь важно отметить, что Таджикистан на протяжении более 15 лет в зимнее время живет в условиях, когда электроэнергия в некоторые отдаленные районы подается по 4–6 часов в сутки. При этом, согласно данным, озвученным таджикским президентом Э. Рахмоном на международной конференции “Вода для жизни”, проходившей в Душанбе в начале июня 2010 г., гидроэнергетический потенциал Таджикистана составляет около 527 млрд кВт, а освоен он только на 3–4% [На водном форуме..., 2010]. Узбекистан высказался категорически против возобновления строительства Рогунской ГЭС, увидев в этом проекте угрозу своим национальным интересам по многим направлениям, начиная от экологии, продовольственной безопасности и заканчивая изменением расстановки сил в регионе не в свою пользу. Конфликт вокруг Рогуна периодически сопровождается переводом Таджикистана на блокадное положение за счет того, что Узбекистан перекрывает все (за исключением авиационного) транспортное сообщение Таджикистана с внешним миром. Для узбекского руководства такие манипуляции осуществлять нетрудно, так как практически все таджикские автомобильные и железные дороги, в том числе между собственными регионами, как и магистральные энергосети, из-за сложности рельефа проходят через узбекскую территорию.

* * *

Нестабильность и отсутствие согласия в отношениях привели к тому, что сегодня во всех странах региона взят курс на развитие республиканских энергосистем и постепенный выход из объединенного энергокольца. В начале 2010 г. в Узбекистане начала работать линия, соединившая Ново-Ангренскую ТЭС в Ташкентской области с Ферганской долиной. Эта линия позволила Узбекистану на какое-то время отказаться от электроэнергии из Кыргызстана. Правда, потом выяснилось, что без электроэнергии гидроэлектростанций, покрывающей недостаток пиковых мощностей, все-таки не обойтись. Была также введена линия Гузар–Сурхан, которая позволяет подавать электрос-

энергию в южную Сурхандарьинскую область Узбекистана в обход таджикских электросетей. По территории Кыргызстана ведется прокладка отдельной от Объединенной энергосистемы ЦА электролинии “Датка–Кемин”, которая избавит республику от зависимости от узбекских сетей. Таджикистан в 2009 г. за счет предоставленного Китаем займа построил ЛЭП–500 “Юг–Север”. Ранее поставки электроэнергии с энергодостаточного юга страны на энергодефицитный север осуществлялись по электрическим сетям Узбекистана.

В целом в краткосрочном периоде Кыргызстан и Таджикистан проблему энергодефицита в условиях вынужденной автономной работы способны решить, лишь опираясь на гидроэнергетику, что требует работы водохранилищ в энергетическом режиме. К ослаблению региональной напряженности это вряд ли приведет.

При всем при этом, как показали советская система хозяйствования, а впоследствии и расчеты специалистов Всемирного банка [*Взаимосвязь...*, 2004], работа не в энергетическом, а в ирригационном режиме могла бы принести наибольшую выгоду всем при условии честной оплаты за услуги накопления и подачи воды странам верховий. Но такой вариант становится все менее вероятным.

Скрытый конфликт вокруг водных и энергетических ресурсов так сильно оброс сопутствующими проблемами, что распутать этот клубок, вернувшись к советской, пусть даже и модернизированной, модели хозяйствования, страны региона уже не считают возможным. Теперь каждая страна рассчитывает на собственные силы и помощь зарубежных доноров. К сожалению, внутрорегиональное сотрудничество осуществляется в очень ограниченных масштабах и по большей части является вынужденным.

Комплекс водных проблем каждая центральноазиатская страна пытается решить, не прибегая к помощи своих соседей. В частности, на территории стран, находящихся ниже по течению, строятся новые водохранилища. Например, Узбекистан, вопреки соглашению о наполнении Кайраккумского водохранилища в Таджикистане, намерен построить водохранилище в Ферганской долине; в Туркменистане уже несколько лет ведется строительство искусственного озера в Каракумах; Казахстан, решая проблему зимних паводков, построил ниже Токтогульского водохранилища Коксарайский контррегулятор [Коксарайский..., 2011]. При поддержке Всемирного банка Казахстан решает проблему и своей части Арала: между Малым и Большим Аралом в 2005 г. была построена плотина, предотвращающая уход воды и рыбы в Большой Арал, где вода испарялась, а рыба погибала [Казахстан..., 2008]. Узбекистан, со своей стороны, уже не рассчитывает на возрождение Аральского моря и на его высошем дне высаживает засухоустойчивые растения и разрабатывает нефтегазовые месторождения [Кравец, 2009]. В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан разрабатывают проекты и ищут спонсоров по строительству системы каскадных ГЭС. По их версии, именно каскады ГЭС позволят и накапливать воду для поливов нижерасположенных полей, и вырабатывать электричество в холодные сезоны.

В конечном счете переориентация с регионального на национальные уровни существенно увеличивает общие затраты на борьбу с водным дефицитом, но при этом не решает задачу экономии этого жизненно необходимого всем ресурса. Советская модель, хотя и имела свои существенные недостатки, все-таки лучше справлялась с проблемой всегда существовавшей в этом регионе ограниченности водных ресурсов.

Сегодня, чтобы разрешить все накопившиеся проблемы, нужно действовать по нескольким принципиальным направлениям. Во-первых, Центральноазиатский регион с экономической точки зрения все-таки должен рассматриваться как единое целое, что влечет за собой необходимость создания *работающего* политико-экономического объединения. Во-вторых, чрезвычайно важно внедрять новые ресурсосберегающие технологии. И, в-третьих, не менее важно решать проблему перенаселенности в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев А.К. Проблемы деградации земель как результат их нерационального сельскохозяйственного использования и пути улучшения ситуации [Электронный ресурс] // *Сеть CARNet*. URL: <http://www.caesd.net/land/o1.html> (дата обращения: 24.05.2013).

Анализ диспетчерского управления генерацией и взаимобменами электрической энергией между национальными энергосистемами центрально-азиатского региона. Mercados – energy markets international. Всемирный банк, октябрь 2010.

Безопасность, надежность и стабильность работы национальных энергосистем – важнейший приоритет, 05.11.2009 [Электронный ресурс] // *Сайт МИД РУ*. URL: http://mfa.uz/rus/prensa_i_media_servis/znam_data/problemi_arala/bezopas_nadejn_i_stabiln_raboti_natsionaln_energosisistem.mgr (дата обращения: 24.10.2013).

Борисова Е.А. Центральная Азия: дефицит воды как угроза безопасности // *Восточная аналитика*, ИВРАН, 2011.

Борисова Е., Панарин С. Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии // *Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.)*. СПб, 2012.

Взаимосвязь водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии. Улучшение регионального сотрудничества в бассейне Сырдарьи / Всемирный банк, январь 2004 г.

Ибатуллин С. Укрепление международного сотрудничества на трансграничных водах Центральной Азии, 25.05.2011 [Электронный ресурс] // *Сеть водохозяйственных организаций стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии*. URL: http://www.eecca-water.net/index.php?option=com_content&task=view&id=2003&Itemid=52 (дата обращения: 23.10.2013).

Казахстан: Северная часть Аральского моря возрождается при помощи Всемирного банка [Электронный ресурс] // *Фергана.Ру*, 19.06.2008. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=9447> (дата обращения: 06.03.2011).

Коксарайский контррегулятор – достижение Независимости и гарантия безопасности южного региона [Электронный ресурс] // *ИА “Казинформ”*, 30.12.2011. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2430103> (дата обращения: 24.05.2013).

Кравец П., Трагедия Арала: Зашумят ли саксаульные леса на дне мертвого моря? [Электронный ресурс] // *Фергана.Ру*, 11.02.2009. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6064> (дата обращения: 06.03.2012).

На водном форуме в Душанбе разгорелся спор из-за Рогунской ГЭС // *Немецкая волна*, 09.06.2010.

Об экологической ситуации на айдаро-арнасайской системе озер [Электронный ресурс] // *Портал Государственного комитета Республики Узбекистан по охране природы*. URL: <http://www.uznature.uz/rus/water5.html> (дата обращения: 24.11.2011).

Петров Г. Совместное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии // *Евразийская экономическая интеграция*. № 1(2), 2009.

World Population Prospects: The 2012 Revision [Электронный ресурс] // UN, Department of Economic and Social Affairs. URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm (дата обращения: 02.12.2013).